

Нет автора

**Сборник статей, читанных в отделении
русского языка и словесности Императорской
академии наук**

**Том 5. Выпуск 2 Переписка А.Х.Востокова в
повременном порядке**

УДК 304
ББК 60.5
Н57

Н57 **Нет автора**
Сборник статей, читанных в отделении русского языка и словесности Императорской академии наук: Том 5. Выпуск 2 Переписка А.Х.Востокова в повременном порядке / Нет автора – М.: Книга по Требованию, 2021. – 572 с.

ISBN 978-5-458-01653-7

ISBN 978-5-458-01653-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021
© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

ПЕРЕПИСКА А. Х. ВОСТОКОВА

ВЪ ПОВРЕМЕННОМЪ ПОРЯДКЪ

СЪ ОБЪЯСНИТЕЛЬНЫМИ ПРИМЪЧАНІЯМИ

И. Срезневскаго.

Издаваемая переписка А. Х. Востокова была приготовлена мною ко дню празднованія 2-мъ Отдѣленіемъ Академіи Наукъ юбилея митрополита Евгенія, и внесена въ Отдѣленіе въ его торжественномъ засѣданіи при слѣдующей запискѣ :

«На память митр. Евгенія представляю выборъ изъ бумагъ одного изъ его достойныхъ современниковъ, нашего покойнаго сочлена А. Х. Востокова, касающійся и іерарха, нами сегодня вспоминаемаго, а вмѣстѣ и всего того кружка людей науки, который собралъ вокругъ себя въ послѣдніе годы жизни Государственный Канцлеръ графъ Н. П. Румянцевъ при содѣйствіи между прочимъ и незабвеннаго іерарха.

«То былъ кружокъ людей науки на Руси первый по времени или по крайней мѣрѣ по значенію и связности. Преданные наукѣ и отечеству, беспристрастно уважающіе труды другъ друга, разсѣянные по разнымъ мѣстностямъ широкой Руси, очень различные по общественному положенію и по возрасту, они тѣсно были связаны направленіемъ мыслей и перепиской другъ съ другомъ. Основными, старшими членами этого кружка были, кромѣ графа Румянцева, Баттышъ-Каменскій, Малиновскій, Евгеній, отъ части и Оленинъ. Къ нимъ присоединились Калайдовичъ, Востоковъ, Ермолаевъ, Кепень, о. Іоаннъ Григоровичъ. Не въ немъ, но и не внѣ

его были нѣкоторые изъ профессоровъ, какъ Тимковскій, Каченовскій, Даниловичъ, Лобойко, и академиковъ, какъ Аделунгъ, Кругъ, Френъ. Къ нему примыкали и нѣкоторые изъ иноземныхъ ученыхъ, близкихъ къ нему по занятіямъ, какъ Добровскій, Линде и пр. Открывать и изслѣдовать древніе памятники языка, словесности и быта Русскаго народа: такова была задача кружка. Кружокъ сталъ образовываться еще до 1812 года, съ того времени, какъ начались работы по приготовленію къ изданію Собранія Государственныхъ грамотъ и договоровъ. До самой смерти графа Румянцева (за янв. 1826 г.) онъ все болѣе скрѣплялся. Съ 1826 года онъ сталъ падать и около времени кончины митр. Евгенія совершенно разстроился. Отдѣльно, безъ взаимной нравственной поддержки продолжали работать оставшіеся въ живыхъ члены этого кружка, долѣе всѣхъ Востоковъ. Были и заживо отставшіе, перешедшіе къ другимъ занятіямъ. Теперь не осталось уже никого, кто бы могъ въ живомъ разказѣ вспомнить о томъ, что и какъ дѣлалось въ этомъ ученомъ обществѣ, не нуждавшемся ни въ уставѣ, ни въ засѣданіяхъ и протоколахъ, ни въ поощреніи общественнаго мнѣнія. Остались только плоды его трудовъ, которымъ можетъ позавидовать любое ученое общество, и письма. Можно надѣяться, что со временемъ изданы будутъ всѣ важныя части переписки членовъ кружка — и тогда научное и нравственное значеніе этого кружка вскроется яснѣе; впрочемъ, и по одной части ея можно видѣть, что это было. Здѣсь представляемый выборъ заключаетъ въ себѣ переписку членовъ этого кружка съ Востоковымъ и часть переписки ихъ съ графомъ Румянцевымъ, на сколько она сообщена была имъ Востокову.

«Востоковъ вошелъ въ этотъ кружокъ въ 1821 г., въ слѣдствіе письма его къ митр. Евгенію, которымъ просилъ сообщить для разсмотрѣнія нѣкоторые изъ памятниковъ, у него хранившихся. Митр. Евгеній немедленно прислалъ ему желаемыя имъ рукописи, черезъ три мѣсяца получилъ отъ него обширный отвѣтъ съ превосходнымъ описаніемъ этихъ рукописей, былъ имъ пораженъ, не могъ не передать своего впечатлѣнія графу Румянцеву,

и этимъ вызвалъ графа на переписку съ Востоковымъ, въ слѣдъ за началомъ которой они стали все болѣе и болѣе сближаться. Графъ Румянцовъ съ своей стороны вызвалъ Востокова на переписку съ Калайдовичемъ и съ другими. Первымъ письмомъ Востокова къ митр. Евгенію начинается мой сборникъ; послѣднимъ письмомъ митр. Евгенія къ Востокову онъ оконченъ. Всѣ письма найденныя мною въ бумагахъ Востокова, я собралъ въ повременномъ порядкѣ — одни по яснымъ отмѣткамъ времени, другія по соображеніямъ, и при переписи ихъ старался сохранить всѣ ихъ особенности.

«Переписка членовъ кружка была дружественная и вмѣстѣ съ тѣмъ исключительно ученая. Почти каждое письмо хотъ на сколько нибудь есть достояніе исторіи нашей науки, или важное или по крайней мѣрѣ любопытное. Не менѣе важна эта переписка и какъ свидѣтельство о счастливомъ времени Русской науки, повтореніе котораго было бы радостно и теперь, не смотря на значительное увеличеніе числа людей, занятыхъ наукой и научныхъ обществъ, занятыхъ вполне или отъ части тѣмъ же, что занимало Румянцовскій кружокъ».

2-е Отдѣленіе Академіи опредѣлило издать сборникъ писемъ, мною отобранныхъ изъ бумагъ Востокова, — и его печатаніе началось почти немедленно. При печатаніи оказалось нужнымъ вставить нѣсколько писемъ, послѣ найденныхъ, и нѣкоторыя переставить — по вновь открывшимся указаніямъ о времени ихъ написанія.

Вмѣстѣ съ тѣмъ, по приведеніи въ порядокъ всей переписки Востокова, оказалось, что и нѣкоторыя изъ писемъ, писанныхъ къ Востокову и Востоковымъ позже 7 февраля 1832 года, когда написано Евгеніемъ его послѣднее письмо къ Востокову, или составляетъ продолженіе прежде начатой переписки, или находится съ нею въ связи по содержанію или по характеру, такъ что безъ нихъ переписка была бы безъ желаемаго конца: по этому я рѣшился присоединить и ихъ, и вмѣстѣ съ ними дать мѣсто всѣмъ

письмамъ, сколько нибудь замѣчательнымъ по содержанію или по отношенію къ лицу Востокова, его трудамъ и признанію его значенія, въ дѣлѣ науки, до послѣдняго времени его жизни.

Невошедшее въ рядъ напечатанныхъ писемъ 1821—1864 гг. присоединяю въ дополненіяхъ; а то, что отыскалось относящагося ко времени предшествовавшему, и показалось не бесполезнымъ для характеристики Востокова и людей, съ которыми онъ былъ въ перепискѣ, помѣщаю во вводныхъ листахъ.

Такимъ образомъ въ издаваемой книгѣ помѣщена большая часть сохранившейся переписки Востокова. Не помѣщены здѣсь почти исключительно однѣ семейныя письма.

Въ концѣ книги прибавляю указатели.

ПЕРЕПИСКА А. Х. ВОСТОКОВА.

ВВОДНЫЕ ЛИСТЫ.

Старѣйшія изъ писемъ, сбереженныхъ Востоковымъ, суть письма друзей его въ юности, его товарищей по Академіи художествъ, гдѣ онъ воспитывался съ 1794 г., съ тринадцатилѣтняго возраста: письма Ермолаева, Иванова, Терebeneва, Репнина. Эти письма любопытны между прочимъ какъ свидѣтельства о степени образованности питомцевъ Академіи художествъ того времени и о предметахъ ихъ внутреннихъ помысловъ и дружескихъ бесѣдъ.

А. И. Ермолаевъ былъ первый, съ кѣмъ Востоковъ сблизился въ Академіи, и первый изъ товарищей, подарившій его дружескимъ письмомъ съ пути, изъ Систербека, куда онъ ѣздилъ въ концѣ 1798 года. Вотъ нѣсколько отрывковъ изъ этого письма изъ Систербека отъ 23 дек. 1798 г., когда Ермолаеву было 18 лѣтъ, а Востокову 17-ть.

Письмо написано къ двумъ друзьямъ-товарищамъ: Востокову и Иванову, и первый названъ Остенекомъ *):

«Ивановъ, Остенекъ . . . . *Нѣтъ достаточныхъ словъ* къ выраженію всего того, что я ощутилъ получивъ ваше письмо, и скажу только то, что я самъ себя не помнилъ. Хозяинъ, хозяйка, дочь и все ихъ дѣти смотрѣли на меня выпуча глаза, и удивлялись моимъ восторгамъ. Друзья! я не могу сыскать прилагательнаго слова къ этому существительному, которое бы довольно выразило мои къ вамъ чувства, но какъ *идь бритвы нѣтъ тамъ*

*) Въ этомъ письмѣ, какъ и въ слѣдующихъ, соблюдено правописаніе подлинника.

шлю брѣтъз, то я и прошу васъ быть довольными, еслии я употреблю обыкновенное слово: любезныя друзья . . . .

Милыя, любезныя мои друзья! чрезмѣрно васъ благодарю за то, что вы ваши письма пишете не такъ какъ въ книжкахъ пишутъ . . . . и мнѣ почти стыдно, писать вамъ такъ, какъ я пишу; но чтожъ дѣлать, еслии я лучше не умѣю; вѣтъ не всякому Господь *благоденствъ открыть науку* . . . . Поздравляю тебя, *Остенекъ*, что мы станемъ учиться Французской литературѣ, я увѣренъ что мы здѣлаемъ *des pas de géant vers la perfection* . . . . Остенекъ, ты пишешь, что содержаніе твоей поемы не плодovито и просишь у меня совѣту, какъ бы оно распространить и украсить; вотъ мой совѣтъ: *студуй своему воображенію* . . . . Политическая твоя статья весьма хорошо писана, и я тебя весьма за нее благодарю, а особливо за выписку о экспедиціи и характерѣ Генерала *Буонапарте*. Я никакъ не могу всему вѣрить что о немъ пишутъ въ Лондонскихъ извѣстіяхъ, и для многихъ причинъ. Мнѣ нѣтъ времени представить тебѣ ихъ по порядку, а скажу только то, еслии бы *буонапарте* не имѣлъ тѣхъ талантовъ чрезъ которые онъ сдѣлался столь извѣстенъ, то я увѣренъ что Директорія Французская не поручила бы ему главнаго начальства надъ такою Арміею, какова *Италянская* на которую Директорія положила въ произведеніи главнѣйшихъ своихъ плановъ противъ Римскаго Императора; притомъ Буонапарте долженъ бы былъ во всемъ послѣдовать совѣтамъ Бертье; но мы напротивъ того знаемъ, что во время баталіи при *Лоди*, Бертье не совѣтовалъ давать оную и даже предсказывалъ потерю всей Арміи еслии Буонапарте осмѣлится перейти мостъ при *Лоди*. Буонапарте не послушался и — одержалъ побѣду. Стало быть Буонапарте имѣетъ таланты, которые доставляютъ ему верхъ надъ непріятелемъ, въ то время, когда Бертье не находитъ въ себѣ и столько искусства, чтобъ хоть не проиграть баталіи».

На этомъ листѣ оканчивается; былъ вѣроятно и еще листокъ съ окончаніемъ письма, но онъ не нашелся въ бумагахъ Востокова.

Ермолаевъ вышелъ изъ Академіи къ А. Н. Оленину въ началѣ 1800 года, и лѣтомъ 1802 года сопровождалъ его въ путешествіи по Россіи. И въ этотъ разъ съ пути онъ писалъ письма Востокову. Одно изъ нихъ — изъ Москвы, «іюня 16-го поведѣльникъ».

«Любезный другъ. Вчера пріѣхалъ я сюда ровно въ 9 часовъ утра, въ дорогѣ былъ ровно трое сутокъ. Какая удивительная вещь почта; давно ли кажется, я съ тобою видѣлся въ Петербургѣ, прощался съ тобою у Семіоновскаго моста; а теперь гдѣ дѣлся Петербургъ? гдѣ Семіоновскій мостъ? все перемѣнилось. — Вмѣсто моста вижу я Ивана Великаго; вмѣсто трактира и извозицкой биржи возвышаются передо мной теремы царей Русскихъ; оглявусь на право и вмѣсто солдатскихъ казармъ, вижу Москву рѣку и часть города находится у меня подъ ногами. Ахъ! Какой прекрасный видъ дѣлаетъ Москва особливо естли смотрѣть съ Кремля. Ты увидишь старинную стѣну и по мѣстамъ нѣсколько башенъ отчасти заросшихъ травою; за стѣною течетъ рѣка, на другомъ ея берегу увидишь великолѣпныя дома, и маленькія хижинки и огромныя древнія Церкви, разбросанныя не регулярно. Вдали видны Воробьевы горы. Однимъ словомъ самой живописной видъ. Однакоже прощай, меня дожидаетъ извозчикъ, что бы ѣхать въ Тюфиліи или Тюхиліи. Чортъ знаетъ какъ это мѣсто называется: жаль, что я не могу тебѣ болѣе писать; на возвратномъ моемъ пути я тебѣ всѣ обстоятельства опишу; а теперь спѣшу увидѣть Иванова *adieu mon tres chère ami*. Я для того не пишу ничего объ Новгородѣ, что я только проѣхалъ мимо его и могъ только увидѣть его, а не разглядѣть. — Прощай.

Навсегда твой вѣрный другъ А. Ермолаевъ.»

Другое письмо подписано: «Рязанской губерніи Касимовскаго уѣзда Село Салауръ. 18 $\frac{11}{VII}$ 02».

«На силу собрался я къ тебѣ писать, не потому чтобъ мнѣ было лѣнь, а потому что не имѣлъ свободнаго времени, но теперь улуча оное, напишу тебѣ короба три; не думай однакоже чтобъ

это было описаніе моего путешествія изъ Петербурга въ Москву, хотя я тебѣ и обѣщалъ, что буду вести журналъ всему, что со мной случится, однакоже *«не надѣйтесь на князи, ни на вся сыны человеческія»*; то есть у меня ни какого нѣтъ журнала — да и какъ можно вести его, ѣдучи на почтовыхъ. Знаешь ли ты какъ мы ѣдемъ? — въ трое сутокъ 730 верстъ... и гдѣ дорога хороша, тамъ мы проѣзжаемъ въ четверть часа по пяти верстъ. Можно ли ѣхать скорѣе? За то мы всѣхъ перегнали даже самую почту, которая выѣхала изъ Петербурга двумя днями прежде насъ. Новгородъ — великій — видѣлся только изъ дали. Подъѣзжая къ нему за нѣсколько верстъ еще открывается золотая глава Софійскаго собора. Ежели правда, что Новгородъ вмѣщалъ въ себѣ всѣ монастыри во кругъ его находящіяся, то это былъ единственный городъ въ свѣтѣ; не въ разсужденіи строеній, но въ разсужденіи его пространства. Когда къ нему подъѣзжаешь, то вся половина горизонта впереди находящаяся занята онымъ. Говорятъ будто, одна улица *рогатица* имѣла 36 верстъ длины. Какова улица, ежели это только не ложь? Тогда Новгородъ можно назвать *великимъ* какъ ради его бывшей силы, такъ и ради величины чѣго. Въѣхавъ въ городъ я почувствовалъ что то такое, чѣго тебѣ описать не умѣю. Исторія Новгорода представилась моему воображенію; я думалъ видѣть на яву, то что я знаю по описанію; при видѣ каждой старинной церкви, приводилъ я себѣ на память какое нибудь дѣяніе изъ Отечественннй Исторія. Воображеніе мое созидало огромные палаты на всякомъ мѣстѣ, которое представлялось глазамъ моимъ. Гдѣ теперь хоромы Посадника Добрыни? думалъ я самъ въ себѣ и сердце мое сжималось; какая то тоска овладѣвала онымъ. Наконецъ представилась мнѣ старинная стѣна крѣпости (по старинному *дѣтинца* или тверди). Какой прекрасный видъ! Стѣна уже получила цвѣтъ подобной ржавчинѣ, который гораздо темнѣе на верху, нежели въ низу; и весьма походитъ на *архитектурное пестрянѣе*. Зубцы по большей части обвалились, а на ихъ мѣстѣ растетъ трава и не большія березовыя кустики... въ